

A dramatic landscape featuring a snow-capped mountain peak under a twilight sky with a semi-circle of stars.

Река

Олег Мельник

Олег Мельник

Река

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23397544

Аннотация

Эта история рассказывает о людях, чьи жизненные пути сошлись в поисках счастья – полумифического места, которое называли "Горой". Их стремление достигнуть цели проверяется на прочность: они сталкиваются с недоверием, ленью, законами. Путники проходят все испытания, но добраться до мечты суждено будет не всем.

Река

Повесть

Бесконечнозеленая крыша, непрерывно шумящая, плотно смыкалась над головой и лишь изредка баловала Странника ярко-золотым лучом, нащупавшим брешь в старом щите вековых деревьев. Это были настоящие генералы дубов, похожие на замерших чудовищ своими необъятными стволами и корявыми ветками. Их могучие замшелые тела выпивали все земляные соки, оставляя лишь маленький глоток редкому молодняку, чья единственная возможность попасть под солнечный свет – занять место трухлявого прадедушки-дуба, израсходовавшего все свои силы. Такой великан постепенно угасал, ставшие хрупкими ветви ломались под траурный скрип соседей, терявших своего давнего товарища. К освободившемуся месту под солнцем тут же стягивались молодые побеги, чтобы в трудной борьбе за жизнь оттеснить конкурентов и занять достойный пост в совете могучего леса.

Редкая птица навевалась сюда погостить, исполнить вечернюю или утреннюю песню, – у престарелых дубов практически пропал слух, они были ворчливы и любили долго поспать, и потому связали себе из густых крон сплошную крышу, дабы никто не тревожил покой леса своими веселыми,

детскими голосами. Лишь дятлам позволялось иногда щекотать толстую шкуру великанов, доставая из-под коры надоедливых жуков, и тогда барабанная дробь разлеталась коротким эхом по округе.

Старые дубы также позаботились и о мягком ковре для своих чувствительных стоп – густо устлали полы зеленого дворца старой листвой, опавшей корой, трухлявыми ветками, и даже камни умудрились замотать они в зеленый мох. А трава и кустарники по какой-то их странной прихоти или даже маразму были редкостью, чтобы сразу становилось понятно – меньших братьев тут не очень любят. Зато ручейки и речушки лес радушно приветствовал, вымачивая берега отборными булыжниками.

Прохлады лесных чертогов давно уже не касалось теплом красное солнце; а воздух, пахнувший перегноем, мхом и сырой древесиной, давно не разгонял взмахом крыла вольный ветер. Здесь даже он, ветер, только и мог щекотать украдкой послушные еще макушки дубов да редкой пятерней, осмелившись, прочесывать зеленую гущу волос дородного леса.

Странник опирался на очищенный сук, гладко ошкуренный мозолистой ладонью, которая, несмотря на преклонные годы, все еще хранила в себе зрелую силу. На нем было темно-зеленое пальто, резиновые сапоги и вязаная шапка, за плечами старика телепалась серая торба. Дорога вела Странника по внутренностям волшебного сонного зверя, живого и мыслящего, где вдоволь спокойной размеренности, непоко-

лебимости и тревожного эха. Зверь этот просыпался только изредка, когда из кустов перед Странником выпрыгивал испуганный заяц, завывал вдалеке оголодавший волк или лесная мышь зашуршит вдруг в ворохе прошлогодних листьев. Лес спал, но в то же время внутри его кипела скрытая жизнь, готовая явиться взору в любое мгновение.

Зеленый сумрак леса перетекал в ночную мглу; Странник подбирал сухие ветки, попутно выбирая место для ночлега. Впереди замелькал огонек; старик, немного помешкав, начал осторожно пробираться к нему. Возле костра расположились трое молодых туристов: в ярких пуховиках и высоких ботинках, громоздкие рюкзаки (таких объемных Странник никогда еще не видел) прислонены были к необъятному стволу валежника. Каждому на вид от двадцати пяти до тридцати лет. Странника туристы заметили не сразу – тот не выдал своего присутствия, пока не приблизился на расстояние освещения костра.

– Доброго вечера, молодые люди, – прочистив горло после долгого молчания, произнес Странник.

– Здравствуй, отец, – поздоровались в ответ, – присаживайся к нам.

Странник уложил собранный им хворост в общую кучу, где помимо веток уже лежали аккуратно рубленные поленья, и не без облегчения снял похудевшую за время путешествия торбу, хранившую кое-какой хозяйский скарб и немного продовольствия. Затем старик стянул с себя потре-

панное временем пальто, сложил его в несколько раз, и положил на лиственный ковер между костром и упавшим деревом, сам водрузился сверху.

– Не прозябнешь, отец? – Спросили у него туристы. По всему было видно, что, несмотря на теплые куртки и жаркий костер (посреди которого уже коптился котелок, подвешенный на палке), молодые люди испытывали дефицит тепла и старались держать руки ближе к огню. С приходом тьмы воздух в лесу заledenел, тогда как осень едва успела воцариться в этих местах.

– Ничо, я привыкший, – отмахнулся Странник, оставшийся в одном свитере с горлом, жутко растянутом и свисавшим чуть ли не до колен. Между свитером и сапогами обнажилась неширокая полоса штанов цвета хаки. – Далеко идете?

– В Гору, – был ответ.

– В Гору? – старик будто не понял.

– В Гору. На Гору. Хотим забраться на самую высоту.

Странник задумчиво уставился в костер, и тот с первых же секунд заманил старика своим диковинным танцем.

– Тебя как зовут, отец?

– Странник я.

– А я Путешественник, – тот, что в красной куртке, указал на зеленую и синюю, – это Скиталец и Спутник.

Странник оторвал взгляд от миниатюрного солнца, кивнул туристам. Затем, как будто вспомнив о чем-то, порылся

в сумке, расстелил газету, а на ней расположил черный хлеб, сало, копченую рыбу и флягу с водой.

– Угощайтесь, – предложил Странник, передавая туристам нехитрые бутерброды, сооруженные из хлеба и сала. Те принялись жевать, утоляя голод, вызванный долгим переходом, и на некоторое время воцарилась тишина. Заглотив последний кусок, Путешественник поднялся места и начал перемешивать ложкой содержимое котелка. Странник заметил, что его новые малознакомые разместились на каких-то толстых ковриках или тонких подушках, и рот его растянула снисходительная улыбка. Путешественник тем временем решил опробовать на вкус свое варево, и, подув несколько раз на черпак, аккуратно хлебнул из него.

– Ну как? – поинтересовался Спутник.

– Пресно, – ответил Путешественник и полез за солью.

– Вы мне вот что расскажите, – спросил Странник, – что это за место такое – Гору?

– Гора, – поправил Спутник. – Ты разве не слышал о Горе?

Старик отрицательно качнул головой. Ему было неловко оттого, что молодежь знает несколько больше, чем он, проживший много лет и прошедший тысячи километров пути.

– Говорят, это место невообразимое, – продолжил за Спутника Путешественник. – Это лестница к самому небу. Можно протянуть руку и коснуться облаков. А если забраться на самую вершину, то можно увидеть весь мир. Только

представь себе – весь мир! – Путешественник закрыл глаза и сделал руками широкий жест, будто гладит нечто объемное и круглое, чтобы живо представить себе эту картину. Как-то его вдохновляла мысль оказаться рядом с небесами. – Это настоящий рай! Там сбываются мечты!

– Забравшийся на Гору получит все, – добавил Спутник. – Там людям не приходится бороться за кусок хлеба и уголок неба над головой, у каждого вдоволь всего, что ему нужно.

– На Горе нет ни грабежа, ни убийств, – дополнил речь Спутника Путешественник, – нет войн, зависти, денег, законов. Для всего этого нет причин. В том краю бессмысленно отнимать что-то у соседа.

– Еще говорят, что там очень холодно, – заметил Скиталец. – Хотя я в это не верю: по идее, чем ближе к солнцу, тем должно быть жарче. Так?

Путешественник лишь пожал плечами – мол, не знаю и мне это неинтересно.

– Вы просто хотите всю жизнь ничем не заниматься и при этом жить в достатке? – на всякий случай спросил Странник.

– Мы хотим взять от жизни только самое лучшее, – ответил Спутник.

– Мы жаждем увидеть новый мир, лишенный жестокости, несправедливости и глупости, – сказал Путешественник почти одновременно со своим товарищем. – Пусть для этого нам придется пройти через нечеловеческие испытания, но цель стоит потраченных усилий.

– Только слабаки не стремятся достигнуть этой высоты.
– Добавил Скиталец. – Все боятся бросить свои корешки да болота и двинуться куда-то вперед. Мы не хотим плавать в будничной массе людей и потакать их мнению.

После этих слов Путешественник одобрительно кивнул Скитальцу и многозначительно показал на него пальцем – как бы говоря и Страннику и Спутнику: слушайте его.

– Ты мужик хоть и в летах, но на вид крепче нас вместе взятых, – сказал Путешественник. – Мы можем взять тебя с собой, нам нужна сильная команда. Пойдешь с нами?

Странник долго не размышлял, ему было маловажно куда идти – может быть на этой самой Горе он и найдет свое прибежище, свое место?

– Пойду, – твердо ответил он. – На что хоть похожа эта ваша Гора?

– Говорят, это камень немыслимых размеров, – сказал Путешественник.

– Только учти: обратного пути уже не будет, – зачем-то предупредил Спутник. Путешественник вопросительно посмотрел на него.

– Я имею в виду, когда взойдем на Гору, – поправился тот. – Бывали, конечно, люди, которые спускались с вершины, но говорят, что это стократ сложнее, чем подняться. Почти все остаются там, на самом верху.

– Буду иметь в виду, – улыбнулся Странник.

– Только идиотам придет в голову покинуть это место, –

презрительно фыркнул Скиталец. Спутник на это лишь пожал плечами.

После малословного и простенького ужина, состоящего из макарон и свиной тушенки, группа улеглась спать: Путешественник, Спутник и Скиталец разложили спальные мешки, а Странник по своему обыкновению устроился на мягком лесном ковре возле костра, предварительно освобожденном от веточек и камней, и укутался в плащ. Ребята оказались смышленными: пока группа спала, один скучал на вахте, преимущественно затем, чтобы не давать угаснуть костру и спящие смогли спокойно выспаться без укусов холода. К тому же таким образом можно было предотвратить воровство — любители поживиться частенько выслеживали странствующих, а затем наведывались по ночам в спящий лагерь. Таким образом, ночь с десяти вечера до шести утра была разделена на три части, и в каждый период один из группы нес свое дежурство. Странник пока был на правах гостя в этом маленьком социуме, поэтому отдыхал всю ночь: к незнакомцам редко проникались доверием очень скоро. Однако те, кто умел расположить к себе людей за короткое время, обычно имели самые нечистые намерения.

Утро встретило команду бодрящим холодом. Пока Путешественник кипятил воду для чая, Скиталец и Спутник лениво скатывали спальные мешки и утрамбовывали в рюкзаки свою туристическую мелочь. Странник тем временем созерцал безмолвие леса, сборы его хозяйства заняли не много

времени.

Спустя полчаса группа свернула лагерь и двинулась в путь. Первым шагал Путешественник, следом за ним Спутник, потом Скиталец и Странник. Дорога их петляла между оврагами, пересекала ручейки и огибала необъятные стволы древних деревьев. Большую часть пути шли молча, лишь изредка комментировали окружающую их область леса да предупреждали идущих следом о препятствиях на пути. Странник заметил, что шагать его попутчикам было довольно тяжело или, скорее, неудобно из-за впившихся в спину и плечи тяжелых рюкзаков. Особенно это неудобство проявлялось, когда туристам приходилось перепрыгивать через узкие русла ручейков. Странник высказал вслух свои наблюдения, на что Спутник ему ответил:

– В походе нужно иметь много разных вещей, без которых могут возникнуть трудности: газовая горелка, топорик, фонарики, котелки... К тому же нам придется взбираться по скалам, а для этого необходимы десятки метров веревки и куча мелочи: восьмерки, гри-гри, шлямбуры, ледобуры, карабины, крюки, молоточки... Путешественник еще и френда взял. Много места провизия занимает. Голодный турист – мертвый турист, – при последних словах Спутник ухмыльнулся.

– А где твое снаряжение, Странник? – спросил Скиталец. – У тебя кроме худой торбы и палки нет ничего. Тебя ограбили?

– Нет, – сухо ответил Странник.

– Может быть, ты местный?

– Нет. Я родился далеко отсюда.

– Или ты давно не встречал каравана? – не унимался Скиталец.

– Я встретил караван два дня назад, но мне нечего было купить у него, кроме буханки хлеба.

– Может быть, у тебя нет денег?

– Деньги есть, но мне нечего было за них купить, – уже раздраженно повторил Странник. – Все, что мне нужно, у меня было.

Скиталец несколько секунд раздумывал, а затем подозрительно спросил у старика:

– Может, ты сам вор?

Странник заметил, что после этого вопроса Путешественник замедлил ход, но не обернулся. Видимо, прислушивался к разговору.

– Нет, я не вор. Я прошел длинную дорогу и ни разу не взял ничего чужого.

– Хм, – только и сказал Скиталец каким-то своим мыслям. Затем он отошел от дороги, якобы для того чтобы поправить рюкзак. Когда Странник занял его место позади Спутника, Скиталец скоро вернулся на дорогу и замкнул группу.

– Ты умеешь охотиться, Странник? – после долгой паузы спросил Путешественник.

– Умею. – Ответил старик. – Сало, которым я вчера вас угощал – это сало дикого кабана. Я убил его месяца два назад. Половину кабана – в основном мясо – я продал встретившемуся каравану, оставшееся мясо съел, а сало закоптил и питаюсь им по сей день.

Путешественник хотел было еще что-то сказать, однако появление на тропе неожиданного гостя привлекло все его внимание. Это был мужчина средних лет с густыми бакенбардами и веселыми глазами. Одет он был чисто, опрятно, не под стать измученному дорогой Страннику. Даже трое молодых туристов, несмотря на всю яркость своих нарядов, выглядели не так презентабельно. У мужчины не было за плечами походной сумки, отчего можно было сделать вывод, что лагерь его находился где-то неподалеку. Он опирался на тросточку, которой широко размахивал при ходьбе – в общем, весь вид незнакомца говорил о том, что он чувствует себя в лесу довольно свободно, непринужденно, как будто прекрасно знает эту местность.

– Здравствуйте, молодые люди, – обратился он с широкой улыбкой. – Далеко путь держите?

– Далеко, друг, – отозвался Путешественник, – в Гору.

– В Гору – это хорошо. – Мужчина остановился в нескольких метрах перед командой, оперся на тросточку, доверив ей часть своего веса, и скрестил ноги. – Я бы хотел немного отвлечь вас от этого важного похода и предложить посетить несколько прекрасных мест, которые находятся недале-

ко отсюда. Клянусь, вы не пожалеете! Гибные Трясины, Четырехтысячелетний Дуб!.. Изумрудные водопады – они действительно кажутся изумрудными из-за причудливой игры цветов дна и отражения лесной зелени...

Туристы с интересом слушали монолог незнакомца. Им показалось необычным, что какой-то мужчина, встретившийся на дороге, вдруг предложил прогуляться по окрестностям и показать разные диковины. Даже Скиталец, относившийся к незнакомым людям с некоторой опаской и подозрением, приветливо улыбался мужчине и был готов идти с ним куда угодно. Лишь Странник не разделял общего энтузиазма, он сверлил пришельца взглядом и был весь напряжен.

– Нам некогда, у нас тяжелый путь, – грубо перебил его Странник.

– Подожди, – остановил старика Путешественник. – Может, и правда зайдем куда-нибудь, посмотрим?

– Вы не пожалеете, что решили уделить минутку. Я знаю, как утомительны бывают походы, и как сердцу и глазу необходим отдых от однообразности видов. Этот лес – просто кладезь достопримечательностей! Я водил сотни групп к Изумрудным водопадам, и все они были поражены их красотой. Такого вы больше нигде не увидите!

– Это гид, – вздохнул Странник. – Он разрекламирует вам что угодно и отведет туда за бешеные деньги. Но деньги – не главное в деятельности гида, его задача – сбивать путников с дороги. Так?

Слова Странника, казалось, смутили гида, однако он всеми силами старался подавить внешнее проявление этого смущения – его выдавали только глаза.

– Я не прошу много. Я даже могу уступить вам... треть цены, учитывая срочность вашего похода...

– Планета полна достопримечательностей, и обойти все не хватит жизни, – снова перебил старик. – Мы движемся к нашей цели, не надо преграждать дорогу.

В голосе Странника зазвучала угроза, и гид это почувствовал, однако все еще с надеждой смотрел на остальных участников группы.

– Уверен, мы еще встретимся с чудесами природы, – сказал Путешественник. – Пошлите.

Побежденный гид пропустил команду и проводил туристов разочарованным взглядом.

– Эти гиды, – сказал Странник, когда группа отошла на некоторое расстояние, – в действительности только делают вид, будто чего-то знают. На самом деле они ничего не знают. Кроме трех-четырех мест, к которым ходят каждый день на протяжении всей жизни. Для свежего глаза это диковинки, но уже самому gidу до тошноты осточертели подобные «достопримечательности».

Спустя два дня Странник вдруг проснулся еще до зари и, ничего не говоря вахтенному, вяло ковыряющему веточкой зыбкое пламя костра, скрылся в лесной тьме. Вернулся

он, когда группа уже позавтракала и рассуждала о том, стоит ли ждать внезапно исчезнувшего старика. Два противоречивых мнения встретились над остывающими остатками костра: Скиталец уверял, тщательно обшаривая свой рюкзак, что Странник таки сделал свое воровское дело и благополучно сбежал, вменяя в вину Спутнику, что тот, будучи на вахте, не догадался остановить беглеца. Спутник же, то ли в целях самозащиты, то ли в действительности не принимавший версии своего товарища, пытался всячески выгородить старика и придумывал оправдания такому поступку. Путешественник, по большей части молча, наблюдал за происходящим, но был задумчив и изредка оглядывался по сторонам.

Странник скоро появился. Он казался уставшим, но глаза его азартно блестели. Старик широким и быстрым шагом приблизился к туристам и виновато ответил на их испытывающие взгляды:

– Я надеялся, что справлюсь еще до завтрака. Но зато мои усилия были награждены вдвойне.

– О чем ты говоришь? – спросил его Путешественник.

Странник молча развязал свою заметно потяжелевшую торбу и вынул оттуда тушки двух зайцев.

– Ты что, по всему лесу за ними бегал? – спросил Скиталец, вид у него был раздосадованный.

– За ними не надо бегать, если знаешь, как ловить, – ответил ему Странник.

– Почему ты не предупредил, что идешь за дичью? – спро-

сил Путешественник грубо.

– Виноват, – ответил старик. – Я и не подумал об этом. Просто я привык действовать в одиночку и полагаться только на себя. Слишком долго я блуждал один...

– Ладно. Надеюсь, этого больше не повторится. – Путешественник взвалил свой рюкзак на плечи и выжидающе оглядел остальных. – Мы сильны потому, что мы – команда. У каждого есть и слабые и сильные стороны. В том, в чем мы сильны, мы помогаем другим. В чем слабы – просим помощи. Это залог успеха нашего предприятия. Если разорвется, поломается хоть одно звено нашей цепочки, мы должны помочь ему, либо заменить на новое. Ты, Странник, опытнее, мудрее и сильнее нас, потому я и попросил тебя примкнуть к походу. Но я прошу тебя с уважением отнестись к правилам нашей группы, они равны для всех. Мы не ставим приоритетов между членами команды, ведь, в конечном счете, все это мы делаем только для самих себя, лишь помогаем друг другу в достижении своих целей. – Странник молча кивнул, давая понять, что понял слова Путешественника и согласен с ними.

Туристы продолжили поход сквозь гущу лесов, которая с каждым километром становилась все жиже и жиже. Дорога теперь шла под уклоном вверх, что немало замедлило их продвижение. Деревья по пути им встречались все моложе, кустарников становилось все больше, а заросли травы – выше. И вот уже вместо тяжелого, мрачного скрипа старых вет-

вей лес наполнился птичьими голосами; вскоре к ним при-
мкнул стрекот цикад и жужжание мелких насекомых. Воз-
дух наливался свежестью и теплотой. Сумрак постепенно ре-
дел под ударами солнечного света, без труда пробивавшего
неумелый щит кроны молодого леса.

Путники вышли на открытую поляну, вернее – неглубо-
кий овраг, лишенный кустов и деревьев, но взамен этого по-
росший высокой, пожелтевшей травой. Здесь они решили
сделать привал (время подошло к полудню) и вытоптали себе
небольшую площадку в зарослях. Странник расстелил паль-
то и несколько минут лежал на спине, радуя свой взор но-
выми красками – он давно уже не видел неба: синего, рас-
писанного белыми узорами облаков. Затем он достал из тор-
бы тушки зайцев и принялся умело их свежевать, ловко от-
гоняя мух и других насекомых, чтобы те не отложили личи-
нок. Остальные разливали теплый чай из термоса и хрустели
кондитерскими сухарями.

– Скоро начнутся холмы, – сказал Путешественник, изу-
чая карту на навигаторе, – между ними течет река, нам ее
не перейти – поток слишком быстрый. Говорят, по ней на
байдарках сплавляются, чтобы быстрее добраться до склона
Горы, по которому можно будет подняться. Нам нужно бу-
дет обойти ее – семнадцать километров на юго-восток и два-
дцать четыре на юг.

– По холмам дня три будем топать, – прикинул Спутник.
– Если не больше.

– Можно сократить, но там придется подниматься на скалы. По прямой это примерно двадцать восемь километров. Зато выйдем прямо к подножию... Странник, – обратился к старику Путешественник, – ты перекусить не хочешь?

– Ягодами по дороге наелся, – отмахнулся тот, занимаясь своим делом.

– Помните, вчера нам встретила семья? – тихо спросил Скиталец так, чтобы Странник не услышал. – Они нам еще полумертвого зайца показывали, типа, у волка по дороге отбили.

– Ты думаешь, старик вернулся к ним и украл зайца? – усмехнулся Спутник. – А потом встретил другого волка и у того отобрал.

– Или у того же самого, – пошутил Путешественник.

– Вот невезуха у животного, – засмеялся Спутник. – Выключи ты свою паранойю, Скиталец. Нормальный мужик на мой взгляд.

– Seriously, за что ты его так невзлюбил? – присоединился Путешественник.

– Не нравится он мне, – ответил Скиталец, – не знаю почему. Смотрит так пристально, как будто душу хочет вывернуть.

– Это еще не означает, что он плохой человек, – сказал Путешественник.

– Да, но от этого мне не по себе становится. Как будто он знает обо мне больше, чем я сам. Меня это раздражает. И

еще он слишком молчаливый, а в тихом омуте...

– Прекращай. Это только твои домыслы, – Путешественник краем глаза посмотрел на Странника – тот все так же снимал шкуры, однако делал это чуть напряженной, чем раньше – видимо, прислушивался к их разговору. – Короче, давайте выбирать, каким путем пойдём: коротким или длинным? – Путешественник повысил голос, чтобы старик тоже слышал его.

– Я за короткий, – ответил Спутник.

– Я тоже, – присоединился Скиталец.

– Странник?

– Пожалуй, я тоже выберу короткий, – равнодушно отозвался тот.

– Значит, решено. – Путешественник несколько раз ткнул пальцем в навигатор и спрятал его в карман штанов.

Вечерние сумерки настигли их уже на опушке. Здесь путники сделали последний привал перед выходом на открытую местность – крытая колоннада леса порядком надоела за время похода. Странник предложил отужинать жареной зайчатиной, но Путешественник решил оставить их до подъема в горы: он объяснил это тем, что на большой высоте варить что-либо будет бессмысленно, вода не дойдет до точки кипения, а предназначенной для жарки провизии у них не так уж и много – туристы планировали закупиться в ближайшем караване.

Утро встретило путешественников необычайно рано. Вы-

пив горячего чая, они снялись с лагеря и уже через несколько минут вышли на гладкий, без единого деревца, луг – ровный зелено-желтый стол, скатывающийся вниз и вновь вырастающий где-то позади. Вся панорама напоминала застывшее море: безмятежные волны холмов плавно уходили вдаль, покрываясь серо-синей дымкой, и где-то далеко впереди твердели, замирали, превращаясь в покрытую белой шапкой горную гряду, а та в свою очередь уходила в небо, сливаясь с нависшими над цепью гор свинцовыми облаками. Солнце едва только показалось на небосводе, а уже грело истосковавшихся по его золоту туристов. Но стоило облаку тонким занавесом скрыть желтый диск – и холодный, непривычно сильный и свежий, ветер в один миг сдувал крохи тепла, врывается в легкие и пожирал прочно прижившийся запах затхлости и сырости, оставленный на память путникам дедушкой-лесом.

Лишенное частотола деревьев пространство резало глаза, дезориентировав команду на какое-то время – так после долгого плавания на судне моряки выходят на сушу и не сразу привыкают к устойчивой земле под ногами. Так что какое-то время они растерянно стояли, пожирая глазами диковинную картину незнакомого края.

– Топать и топтать, – нарушил молчание Скиталец, вглядываясь в серую полосу гор.

– Гора мне представлялась несколько выше и уже, – задумчиво проговорил Спутник. – Нам точно туда?

– Судя по карте – да, – отозвался Путешественник. – Лад-

но, пойдём. Не будем терять времени.

– Остановитесь! Стойте! – к туристам, вырастая из-за холма, уверенно приближалась фигура. Незнакомец, так же как и гид, мало походил на странствующего, был одет в строгий костюм, гладко выбрит, и походная сумка у него отсутствовала. – Вам следует выйти на общую дорогу.

– Разве я не могу пройти именно здесь? – поинтересовался Путешественник.

– Это для вашего же блага, – коротко и непонятно ответил незнакомец.

– Кто вы такой? – спросил Странник.

– Я служу Указателем.

– И в чем заключается ваша служба?

– Я помогаю людям, слежу, чтобы они не заплутали. Указываю дорогу.

– Не заплутали где или от чего? – Странник задал свой вопрос так энергично, с вызовом, что оппонент его на какое-то время смутился и растерялся. Затем растерянность покинула взгляд Указателя, его глаза вообще потеряли способность к эмоциональному отражению, они вдруг стали пустыми, а на губах возникла вежливая улыбка:

– Люди могут заблудиться и потеряться, это случалось уже бесчисленное число раз. Но сейчас не каменный век, в цивилизованном обществе люди должны помогать друг другу, сообща решать проблемы каждого. Общество пришло к вы-

воду, что необходимо организовать службу Указателей, и вот недавно эта идея, наконец, воплотилась в жизнь. – Протараторил Указатель, как будто повторял эти слова неоднократно.

– А если нам не нужна ваша помощь? – поинтересовался Путешественник, вид он имел не самый дружелюбный.

– Мы действуем от имени и во благо общества, – пояснил Указатель. – Впоследствии вы будете даже благодарны нам за участие. Поверьте, нам не безразличен выбранный вами путь. Указатели стремятся к порядку, мы хотим помочь вам в достижении ваших целей. Просто доверьтесь моим советам, сверните на безопасную, проверенную, утвержденную обществом дорогу и она выведет вас туда, куда вам необходимо. – Указатель светло улыбался, с теплотой и настойчивостью глядел на туристов. Скиталец внимательно слушал его слова и улыбался в ответ.

– Какой же тогда дорогой нам следует идти? – спросил Путешественник все с той же интонацией.

– Мне необходимо будет заполнить для вас специальное удостоверение, пропуск, чтобы вам не пришлось разъяснять каждому Указателю цель вашего похода, достаточно будет просто показать этот документ. Затем вам необходимо будет зарегистрировать ваш поход в общей базе данных. Сделать это нетрудно – вы можете подойти к одному из бригадиров-Указателей, и он выполнит все необходимые операции. Также он просчитает ваш маршрут, длину пути и количество

необходимого для его преодоления времени. С расценками вы можете ознакомиться у него же по преЙскуранту. После всех подсчетов бригадир выдаст вам договор и квитанцию, с которой вы подойдете к кассе...

– То есть, ваши услуги – платные? – перебил Спутник.

– Да, конечно, – Указатель непонимающе кивнул. – Цена небольшая, а любой труд все-таки должен оплачиваться. Вы согласны?

Спутник согласно кивнул, но остался задумчив.

– В кассе вам выдадут чек. – Продолжал Указатель. – С чеком и договором вы подойдете к секретарю-Указателю, где договору присвоится порядковый номер и поставится печать. Вот и все. Дальше вы сможете спокойно продолжать свой путь.

– Получается, – Путешественник решил подвести итог всего сказанного Указателем, – мы можем дойти до места назначения сами или воспользоваться вашими услугами, которые, во-первых, платные, а во-вторых, заставляют нас выполнять целую кучу непонятных операций, отнимающих время и силы?

– Соглашусь, – ответил Указатель, – процедура отнимет у вас какое-то время, но все это диктуется необходимостью. Копия вашего маршрута будет передана службе Спасателей, и если вы в какой-то момент не будете зарегистрированы у дежурных Указателей, расставленных по всей длине общественных дорог, к Спасателям поступит сигнал, что вы за-

блудились. Найти вас и перенаправить на безопасную дорогу не составит большого труда. В Спасателях работают высококлассные, аккредитованные специалисты, они знают свое дело и способны помочь...

– Что-то слишком запутанно, – перебил его Странник.

– Наоборот – все очень просто! Вы впервые сталкиваетесь с нашей работой, но впоследствии поймете, что система проста и эффективна!

Путешественник оглядел своих товарищей, но следов энтузиазма в их лицах не заметил. Даже Скиталец теперь выглядел чем-то озадаченным.

– Спасибо за предложение, но мы отказываемся, – от имени группы объявил Путешественник. – До свиданья!

– Подумайте хорошенько: эта дорога была признана ненадежной!

– Зато мне она нравится, – возразил Спутник, обведя взглядом окрестности. Путешественник обошел Указателя и продолжил подниматься на холм, группа последовала за ним.

– Дело не в том, нравится она или нет, – кричал им вслед Указатель. – А в том, что ваш поход будет признан нелегальным, не отвечающим требованиям современного общества! Вас найдут и объявят Уклонистами!

Путешественник резко остановился. Слово «Уклонист» было известно ему еще с детства, обычно им именовали воров и убийц. Такой титул лишал его носителя общения с дру-

гими странственниками, а также запрещал торговлю с таким человеком, что, по сути, означало одиночество и бедность до окончания жизни. Несправедливо «титулованные» Уклонистами сами в какой-то момент были вынуждены прибегать к воровству, не только имущества, еды и денег, но и людей. Уклонисты похищали людей ради общения, но в большинстве случаев – для продолжения рода. Преступность, таким образом, росла, что побуждало общество задуматься о создании службы Стражей порядка.

– За что? – спросил Путешественник.

– Общество приняло стандарты, и они равны для каждого, – кричал Указатель, как показалось Путешественнику, со злорадством. – Если вы не хотите им следовать, то вам нечего делать в обществе!

– Мы ведь ничего не принимали, – озадаченно проговорил Спутник. Путешественник в ответ лишь пожал плечами.

Указатель что-то еще кричал им вслед, энергично жестикулируя, но ветер уносил его слова и рассеивал по округе.

Туристы приблизились к вершине холма – дорога резко уходила вниз и падала в мелкий лесок, откуда начиналось подножие следующего возвышения. Здесь они достали из рюкзаков трекинговые палки, чтобы экономить силы при ходьбе, и, опираясь на них, стали спускаться по неожиданно крутому склону.

С виду гладкая поверхность холмов оказалась обманчи-

вой – на самом деле ее покрывал слой высокой травы, прижатой к земле сильными ветрами, и от этого вся неровность почвы была скрыта от глаз. Ноги туристов постоянно запутывались в траве или проваливались в мелкие ямки, так что на преодоление одного холма тратилось не меньше часа. В жидких зарослях деревьев у подножия холмов нередко прятались ручейки, определить наличие которых можно было еще заблаговременно – шум воды раздавался довольно далеко.

Взойдя на один из холмов, туристы заметили изменения на горизонте: впереди над горным хребтом облака приняли необычную треугольную форму, высоко возвышающуюся над серой массой скал. Треугольник этот был огромных размеров, его оттенок был светлее бело-серых облаков и контуры его носили четко выраженный характер, отчего путники сделали про себя вывод, что это достаточно плотный объект, как земля у них под ногами.

– Фантастика! – почти прошептал Путешественник. Его глаза сверкали фанатическим и благоговейным блеском.
– Неужели это она?

– Никогда не видел ничего громаднее, – вторил ему Спутник. – Смотрите: облака не достают до вершины. Какая же там высота!

– Интересно, почему она вся белая? – спросил Путешественник.

– Скорее всего, из-за снега и льда, – предположил Стран-

ник. – Чувствуете, как здесь холодно? Там должно быть еще холоднее.

– Я думаю, сама порода имеет белый цвет, – Скиталец смерил старика взглядом психотерапевта, изучающего пациента. – Скала таких размеров вряд ли имеет общий состав с теми, мелкими. Может быть, и происхождение ее не совсем земное... я что-то слышал об этом.

– Прямо космический корабль какой-то, – усмехнулся Спутник.

– Как вариант. Кстати, такое мнение тоже есть...

– Отдохнули? – спросил Путешественник. – Пошли дальше. – Туристы глубоко вздохнули и поплелись следом. Дышать пронзительно-свежим воздухом было тяжело, особенно при подъеме. К тому же их ноги, хоть и натренированные долгими походами, не привыкли к прогулкам по горной местности. Продвигаться дальше становилось все труднее, привалы делась все чаще.

– Так что нет там никакого снега, – вслух продолжал рассуждать Скиталец. – Вы видели когда-нибудь пустыню? Там вообще все желтое. Вроде бы и почва, а желтая. И здесь то же самое – одни скалы серые, те, что побольше – белые.

– В пустыне песок, вот она и желтая, – сказал ему Путешественник.

– Вот и я говорю: та же самая почва, что и здесь, только порода другая, – продолжал Скиталец. – К тому же Гора могла упасть с неба, а осколки от столкновения с землей по-

крыли верхушки ближайших скал. Потому и те тоже сверху белые. Там же тепло, солнце-то ближе!

– Тогда Гора должна стоять посреди кратера, – предположил Спутник. – А сам хребет – это его вал.

– Тогда Гора еще больше! – восхитился Скиталец.

Странник, слушая разговор, лишь молча качал головой.

– Поберегите дыхание, – посоветовал Путешественник.

– А то мы так и не дойдем до места, а только будем гадать до старости, кратер там или хератер.

Скиталец замолчал, но глаза его, на удивление всем, впервые заблестели жаждающим огоньком, и он с еще большим упорством заработал трекинговыми палками, взбираясь по склону холма.

Уже вечером они преодолели большую часть пути и разбили лагерь у подножья холма, укрывшись от ветра в перелеске. Той ночью Путешественник впервые попросил Странника подежурить у костра, отчего Скиталец спал тревожно, периодически просыпался, украдкой поглядывал на старика, мирно созерцающего звездное небо, и ощупывал свой рюкзак, который до ухода ко сну придвинул к себе и лежал с ним чуть ли не в обнимку. Наутро Скиталец был угрюмым и сонным, часто спотыкался и даже несколько раз пытался завести со Странником дружескую беседу.

Вскоре туристы вышли к глубокому обрыву, под которым расстилалась широкая долина с озером и лесом. С одной стороны долина была окружена крутым земляным склоном хол-

мов, по другую, противоположную туристам, выростала отвесная стена невысоких скал.

– Может, стоит обойти по холмам? – спросил Спутник.
– Зачем идти вниз, если снова придется подниматься вверх?

– Маршрут на карте ведет через долину, – ответил Путешественник. – Значит, там самое удобное место для восхождения. Доверимся опыту уже побывавших тут. Хотя этой дорогой давно уже никто не ходит.

– Значит, есть причины. – Сказал Скиталец.

– Есть, – согласился Путешественник. – Лень карабкаться на скалы. Но нам-то не впервой. Легкие пути не для нас!
– тут он усмехнулся.

Выбрав удобное место, туристы не без труда спустились в долину и направились в сторону скал. Вокруг было множество камней от булыжников до валунов, отвалившихся в свое время от горных массивов ввиду различных причин, но одна странная глыба привлекла внимание путников своей необычной прямоугольной формой – как будто искусственного, а не природного происхождения. Подойдя чуть ближе, они рассмотрели глыбу внимательней – оказалось, что она состоит из небольших валунов, положенных друг на друга, верх закрывала плоская плита. Таким образом получалась своего рода глухая будка.

– Кажется, я слышал об этой штуке, – сказал Скиталец, и вся команда, не выражая особого оптимизма, приготовилась слушать очередную байку. – Здесь один сумасшедший

замуровал себя заживо. Вот табличка, – и он действительно указал на грубо выгравированную в камне надпись: «Аскет. Избравший Путь в стороне от Дорог и сует. Проходи, скиталец, своей дорогой!».

– О! и ты тут есть, – Спутник ткнул Скитальца локтем.

– Вряд ли они меня имели в виду, этой могиле уже сотни лет.

– Дорога тогда была несколько оживленной, – сказал Спутник. – Я имею в виду, народу ходило больше, чем ни одного за пару десятков лет... а пишут, что в стороне от дорог...

– Наверно, он решил замуроваться здесь, чтобы напоминать прохожим, – предположил Странник.

– Напоминать о чем? – спросил Скиталец. Старик не ответил. Он понял образ, переданный надписью, но сам не в силах был облечь его в слова.

– Этот гражданин настоящий псих, – решил Путешественник. – Интересно, как он сам это соорудил?

– Крышу наверняка установили уже потом, – сказал Странник. – Да и надпись нацарапал тоже не он.

– А кто? Друзья? – поинтересовался Спутник.

– Скорее последователи, – ответил Странник.

– Надеюсь, дорога опустела не потому, что ее стало охранять племя умалишенных каннибалов, – задумчиво произнес Путешественник. Скиталец испуганно огляделся по сторонам. – Ладно, пойдемте. Факт присутствия в мире подоб-

ных этому Аскету меня крайне огорчает... и аппетит сразу пропадает.

– Все, испортил всем настроение, – подхватил Спутник и даже пнул ногой стенку гробницы. Заметив направленный на него осуждающий взгляд Странника, Спутник поправил рюкзак и молча поплелся вслед за Путешественником. – Мне интересно, неужели людям не хочется получить от жизни чего-то большего?

– Например, – сказал Странник. Команда направилась в сторону озера – негласно всем хотелось окунуться в его чистые воды и смыть с себя походную грязь.

– Ну, как тебе сказать, – замешкался Спутник, подбирая слова, и поэтически произнес, – достать до самой высокой звезды, такой, до которой никто другой не смог дотянуться. Или хотя бы сделать попытку – это уже что-то. В общем говоря, сделать нечто, что потом будут помнить веками, и тебя помнить, и идти по твоей проторенной дороге.

– Как Аскет? – спросил Странник.

– Аскет – больной самоубийца, – твердо сказал Путешественник. – Он мог жить и делать что-то для людей, а вместо этого умер в самозаточении.

– Потому мы и хотим подняться на Гору, – сказал Спутник.

– Чем же это поможет людям? – не понял Странник.

– А тем, что глядя на наш подвиг, людям захочется совершить свой, – ответил Спутник. – Не важно, тот же самый

или какой-то другой. Главное – сделать его.

– Но ведь вы не первые, кто совершает подвиг подъема на Гору, – возразил Странник. – Выходит, вы делаете это из подражания другим, чтобы вдохновить остальных?

– В каком-то смысле – да, – ответил Путешественник. – Там, – он указал на белого великана, укрывшегося за тучами, – нас ждет счастье. И мы хотим, чтобы каждый взобрался на свою Гору к счастью. А тот, кто ничего не делает, счастья не получит.

– Мне кажется, вы делаете это не для других, а для себя. Вы в чем-то ошибаетесь, только в чем – понять не могу...

– Почему «вы», Странник? – улыбнулся Путешественник. – «Мы»! Ты ведь в нашей команде!

Группа подошла к озеру и стала попробовать воду на ощупь.

– Ледяная! – объявил Скиталец.

– Ничо, окунешься и на солнышке отогреешься, – сказал Спутник.

Через несколько минут туристы уже обсыхали на камнях берега под теплыми солнечными лучами. Холмы и горы, окружавшие долину, служили естественной стеной, препятствующей движению потока ледяного ветра.

– Странник, ты о чем задумался? – спросил у старика Путешественник.

– Размышляю над твоими словами.

– И как?

– Неужели, чтобы дойти до счастья, нужно пройти по тонкой нитке между жизнью и смертью? Неужели для этого необходимо прикладывать нечеловеческие силы? Счастье должно быть доступно каждому, а не избранным. Должно находиться рядом, быть простым, незамысловатым, и единственный труд, который стоит приложить к извлечению счастья – это его разгадка в нагромождении повседневных дел и вещей.

Путешественник внимательно слушал и не перебивал Странника – тот редко говорил такие длинные речи.

– «Чем тяжелее битва, тем слаще победа», – туманно изрек Путешественник. – В том, что достается слишком просто, есть какой-то подвох. Жизнь не ценит спешку и лень. Чтобы получить желаемый результат необходимо терпение, настойчивость и сила. Только так достигается долговечность. Счастье – это поставить цель и достигнуть ее. А затем обернуться назад, взглянуть на тяжесть пройденного пути, почувствовать облегчение и радость. И никакие предостережения, угрозы не помешают нам пройти по своему пути к своей цели.

После купания туристы обогнули озеро и прошли сквозь редкие лесные заросли. Здесь их встретил внезапный обрыв: земля круто уходила вниз на десяток метров, а чуть дальше, за пропастью, выростала высокая скальная стена. На дне расщелины извивалась змеей бурная речка. Попасть в ее поток туристам показалось сущим адом – шальная река, будто пья-

ная, с большой скоростью врезалась в каменные берега на резких поворотах, и постоянно злилась от резавших ее тело кусков скальной породы, лежавших на дне. Человек, попавший в безумный поток, станет безвольной куклой в руках сумасшедшей реки.

Немного правее над пропастью медленно покачивался веревочный мост, перекинутый на другой берег, где в скальном небоскребе образовывался довольно широкий балкон.

– Ну, путь тут один, – сказал Путешественник, улыбаясь и чувствуя прилив свежих сил.

Мост оказался довольно старым, но все еще целым. Кое-где доски на нем прогнили или вовсе вместо них зияло пустое пространство. Путники с опаской посматривали на свою переправу, нерешительно топтались около моста, пока Путешественник не сделал первого шага и с все увеличивающейся решимостью не зашагал на тот берег. За ним пошел Странник, следом Спутник. Когда они уже перебрались на вторую половину переправы, на мост ступил и Скиталец – он очень медленно и аккуратно, почти намертво вцепившись в канаты, широкими шагами последовал за остальными. Мост качался, скрипел и потрескивал, отвыкши от ноши за долгое время простоя, но выстоял, себе на удивление, не без гордости оправдав свои функции.

Туристы оказались на голом скальном уступе – растительность здесь практически отсутствовала: редкая травинка пробивалась из щелей между каменными плитами или же

наполовину высохший куст качал на ветру кривыми ветвями. Расстояние от отвесной стены до пропасти было небольшим – около трех метров, – но чуть дальше, вправо, постепенно росло, превращаясь в довольно обширную площадку.

– В навигаторе не говорится, откуда лучше всего взбираться? – поинтересовался Скиталец.

– Нет, – ответил Путешественник, не заметив сарказма в его словах. – Давайте пройдем вдоль стены и посмотрим.

Команда двинулась вглубь площадки, осматривая склон и выбирая место для ночлега.

– Черт! – вскрикнул Спутник, когда камень под его ногой неожиданно хрустнул. Спутник разворошил каменную крошку, в которой утонул этот камень и не без удивления признал в нем напоминавший человеческий череп.

– Недобрый знак, – тихо проговорил Скиталец.

– Людям свойственно умирать, – спокойно сказал Путешественник. – Даже в шаге от счастья.

– Все равно, неприятно встречаться со смертью. – Скиталец весь поежился.

– Подождите еще, – сказал Странник, ушедший немного вперед. – Здесь посерьезней будет!

И впрямь, догнав Странника, туристы заметили тянущуюся вдоль стены целую насыпь, которую издали можно было принять за гору камней – там лежали выбеленные временем человеческие кости вперемежку с истлевшими обрывками ткани, ржавыми металлическими деталями и прочим

мусором.

– Ого! – мрачно удивился Спутник. – Здесь как будто произошло массовое самоубийство. Здесь костей столько, сколько я живых людей никогда не видел! Сотни, тысячи!..

– Кости разного срока давности, – заметил Странник, указывая на довольно отчетливый скелет темного цвета, лежавший поверх остальных. – Этот тут самый молодой.

– Желающих много, – философски сказал Путешественник, – а сил преодолеть трудности хватает не у всех.

– Да-а... – протянул Скиталец. Моральный дух команды был несколько подавлен.

– Не унывайте, господа! – весело сказал Путешественник, чтобы подбодрить команду. – Все в наших руках. Главное – боевой настрой! Будем лезть, начиная с этой горки.

– Потому что почти все из этих, – Спутник указал на кости, – решили, что это самое удобное место?

– Нет! Потому что так мы будем на полметра ближе к цели! – веселился Путешественник.

Скиталец не разделил оптимизма своего товарища, и кисло улыбнулся.

Крик Путешественника приманил на сцену неожиданно персонажа – из-за каменной глыбы осторожно выглянуло нечто, напоминающее заросшую человеческую физиономию. Полуседые борода и волосы его образовали дикую растрепанную гриву, свободное от зарослей пространство лица было черное от загара и грязи. Пришелец еще некоторое вре-

мя наблюдал за остолбеневшими туристами, затем выскочил из укрытия и закричал, махая руками:

– Уходите! Уходите! Зачем вы сюда пришли? Идите обратно! – и в том же духе. Было видно, что произносить слова ему трудно – как будто от долгого молчания или редкой практики. Наряд его был под стать лицу: что-то, напоминающее длинное пальто без левого рукава, подол местами изорван как будто чьими-то зубами, а на ногах – истоптанные сапоги, целые, хоть подошва была совсем уже стоптана. Под раскрытым пальто была видна телогрейка из волчьей шкуры.

– А вот и каннибалы-последователи Аскета, – пошутил Путешественник, первым придя в себя. – Что я говорил?

– Может, черт с ним? – тихо спросил Скиталец. – Пусть себе кричит. Переночуем спокойно, залезем на скалы и забудем про него.

– А вдруг он тут не один? – поинтересовался Путешественник. – Придет со своими дружками и горло всем перегрызет. Пойдемте, познакомимся, – и сделал несколько осторожных шагов вперед. – Эй, мужик! Мы пришли с добром, тебя не тронем. Ты наверно здесь одичал совсем?

Незнакомец замолчал, опасливо попятился и снова спрятался за камнем.

– Тебя как зовут? – продолжал Путешественник. – Выходи, поговорим. Я – Путешественник. Со мной мои товарищи: Спутник, Скиталец и Странник. Мы хотим покорить эту Гору. Как твое имя? Скажи, чтобы нам удобней было разго-

варивать. Почему нам надо уходить?

Похоже, человеческая речь подействовала на незнакомого успокоительно, если не сказать одурманивающее. Он вышел из убежища и как-то настороженно и глупо уставился на неожиданных гостей. Затем его взгляд, как и сознание, прояснился, он выкрикнул:

– Проводник!

– Это твое имя? – на всякий случай спросил Путешественник. Тот кивнул.

– Проводник, – медленно проговорил Странник как нечто знакомое. Путешественник вопросительно глянул на старика:

– Ты его знаешь?

– Возможно. Не могу вспомнить откуда.

– Вы здесь умрете! – опять заголосил Проводник.

– Да успокойся ты, заладил, – крики действовали Путешественнику на нервы. – Странник, поговори с ним. Может быть, хоть он тебя узнает.

– Сомневаюсь, – ответил тот.

– Ладно. Давайте, пока разобьем лагерь, – решил Путешественник и снял рюкзак. – А когда этому надоест орать, поговорим с ним. Не умею я общаться с психами!

– А если он убежит? – спросил Спутник.

– Не убежит. Слишком долго был один. А человек такая животиночка, что в одиночку не может, будет бояться, злиться, плакаться, но от социума не оторвется. Проводнику будет

интересно наблюдать за нами. А свалит – ну и хрен с ним, одной заботой меньше. Лишь бы глаза не мозолил.

Туристы нашли подходящее место для ночлега и принялись устраиваться: сложили рюкзаки, соорудили очаг, натаскали веток. Солнце все еще сияло на небосводе, однако скалы спрятали его по ту сторону хребта – в горах начались сумерки.

Было уже совсем темно, когда запах жареной зайчатины разлился вокруг стоянки. Костер смачно трещал, вдалеке слышался глухой шум бегущей реки. По освещенному участку скалы двигались длинные уродливые тени.

– Подходи, угощайся, – пригласил Путешественник дикаря. Проводник все так же сидел за каменной глыбой, высунив свою гриву наружу. – Надо же, еще не привык.

– Кто знает, чего он тут навиделся в одиночестве, – сказал Спутник. – Может быть, мы для него такие же звери, как волки. Нападать не собираются – ну и ладно. А приближаться к ним – ну нафиг.

– Это если бы он в социуме совсем не жил, – возразил Путешественник. – А так какая-то память должна все-таки остаться. Разговаривать вон умеет еще.

– Лаает он, а не разговаривает, – брезгливо заметил Скиталец, – совсем животным стал.

– Сейчас проверим, – Путешественник взял кусок жареного мяса, встал и направился к Проводнику. Сделал он это так решительно и быстро, что тот не успел ни испугаться тол-

ком, ни сориентироваться. Спутник напрягся и встал, готовый в любую минуту прийти на выручку.

– На, возьми, – Путешественник протянул мясо Проводнику.

– Уходите, – неуверенно пролепетал тот. Путешественник резким движением схватил руки человекоподобного старика и вложил ему пищу в раскрытые ладони. Проводник проголодался за время наблюдения за пришельцами, да и до этого еще невзвестно когда и что клал он себе в рот. Поэтому дурманящий запах и тепло свежесжаренного мяса заставили его позабыть о безопасности, он приложил кусок ко рту и начал жадно его рвать, глотал не прожевывая. Путешественник воспользовался тем, что Проводник отвлекся, обнял его за плечи и повел к костру.

Тепло огня совсем расположило робинзона к своим новым знакомым, он доел и просяще уставился на остальную зайчатину. Путешественник поднес ему еще кусок, который тут же утонул в грязных ладонях. Скиталец смерил гостя уничижительным взглядом и демонстративно отодвинулся подальше.

– Я ж говорил, привыкнет, – с видом победителя заявил Путешественник.

– Ты специально его привел, чтобы меня от вони вывернуло? – спросил, наморщив нос, Скиталец.

– Переживешь, – огрызнулся Путешественник. – Проводник, ты один здесь живешь?

Тот коротко кивнул, не отвлекаясь от своего занятия.

– Даже не представляю себе, как это. Один, среди скал, в полном одиночестве... Почему ты не выходишь к людям?

– Сами... идут, – проговорил Проводник с полным ртом.

– Сами? И часто?

– Нет, – неопределенно ответил Проводник.

– У меня идея, – вдруг оживился Путешественник. – С сегодняшнего дня мы начинаем свое восхождение на Гору. Я считаю, это нужно отметить! – он стал рыться в своем рюкзаке и скоро вынул оттуда литровую пластиковую бутылку без опознавательных надписей и этикеток.

– Мы же хотели выпить его на вершине, – заметил Спутник.

– Что это? – спросил Скиталец.

– Самогон, – ответил Путешественник, улыбаясь. – Выпьем авансом, к тому же лезть наверх легче будет.

Путешественник плеснул самогон в три походных кружки своих товарищей, для остальных двух стаканов использовал глубокие крышки от термосов. Проводник поначалу с недоверием отнесся к поданной ему таре, но взял ее на удивление твердой рукой.

– Ну, за легкий подъем! – торжественно сказал Путешественник, и горячая жидкость исчезла в пяти ртах. Следом провалилась нехитрая походная снедь.

Рукав пальто Проводника на короткое время сполз к локтю, но этих секунд хватило, чтобы Странник заметил выко-

лотую чуть выше запястья татуировку. Поначалу ее можно было принять за бесформенное черное пятно с тремя просветами, но если приглядеться, то можно было разобрать в рисунке странное лицо: два неровных круга глаз, овальный рот и даже тонкая изогнутая линия, очерчивающая нос. Все это обрамлялось неким подобием то ли волнистых солнечных лучей, как изображали на своих картинках древние рисовальщики, то ли гривой льва. Татуировка эта оказалась путеводной нитью в памяти Странника, она привела его к старым воспоминаниям его далекой молодости.

– Проводник, – проговорил Странник, словно пробуя на языке каждую букву. – Мы ведь были знакомы с тобой. Давно еще.

Проводник тоже смотрел внимательно на старика, в его глаза уже почти не осталось тех потерянно-безумных ноток, с которыми он глядел на пришельцев в первый раз.

– Ну, тогда давайте за встречу старых знакомых! – предложил Путешественник и вновь наполнил стаканы.

После второго захода Странник опять обратился к Проводнику:

– Ты помнишь, мы были в одной группе? Шли куда-то, довольно долго. Нас было четверо. К сожалению, других имен я не могу припомнить.

– Я помню, – вид у Проводника стал вдруг грустным. Возможно, общение с людьми после долгого одиночества, а может и алкоголь каким-то образом способствовал возвраще-

ния к одичалому человеческих черт. Его разум прояснился, мысли всплывали из темной глубины одиночества, не удерживаемые каким-то одному только Проводнику известным барьером, речь становилась более внятной. Неожиданная тоска разливалась от Проводника, поражая остальных, и над костром нависло молчание. Чтобы как-то его стряхнуть, Путешественник разлил самогон, процедура повторилась.

– Куда мы шли, Проводник? – спросил Странник.

– Сюда, – ответил тот и обвел округу взглядом.

– Неужели? В Гору?.. Точно, как же я мог забыть?..

– Почти все в молодости стремятся сюда, – сказал Проводник. – Им представляется, будто здесь находится рай. Они стремятся доказать что-то всему миру. Свою исключительность. Они почти с презрением относятся к родителям, которые тридцать лет горбачатся на заводе в должности слесаря или поварихи без перспективы повышения. Ведь это не престижно, не прибыльно. Дети не говорят этого вслух, но внутри, в подсознании, считают именно так, несмотря на всю свою любовь к кормильцам. Им бы хотелось, чтобы предки имели статус и деньги, и тогда у самих чад было бы уважение сверстников и интерес у противоположного пола. Молодость амбициозна, энергична, ей покорны горы, и море – по колено. Было бы странно, если бы у них не возникало такого желания.

Проводник осмотрел молодых туристов пронизательным взглядом. Те непроизвольно опустили взгляды, как будто

опасаясь, что старик прочтет в их глазах еще больше, чем уже успел увидеть.

– Я здесь, чтобы помешать им делать это.

– Почему? – не понял Странник.

– Потому, – Проводник указал в сторону груды костей, при свете костра она была почти не различима.

– Ты думаешь, мы испугаемся опасности или трудностей? – спросил Путешественник вызывающе.

– Нет. Я думаю, вы испугаетесь ловушки, – просто ответил Проводник. – Вы не найдете там того, что ищете.

– Чего же мы ищем? – спросил Спутник.

– Того же что и все: славы, богатства, уважения, престижа... Вам кажется, что наверху вы будете пировать за одним столом с богами, но там нет ничего кроме одиночества и жуткого холода.

– Ты говоришь, как будто был там, – скептически заметил Скиталец.

– Я был там, – твердо заявил Проводник. – Но вместо того, чтобы озолотиться, я потерял все. Я потерял там даже волю двигаться куда-то, мой путь на этом закончился. Единственное, что мне осталось – это забиться в самую темную пещеру и провести в ней остаток жизни. Странник оказался самым мудрым из нашей команды, он понял, к чему приведет этот поход и оставил группу еще задолго до нашего прихода сюда. Мы поднимались втроем, сначала здесь по скалам, затем дальше по леднику. Мы пробирались сквозь ветры и снег, и

я заметил, что товарищам моим нелегко дается этот подъем. Что там говорить, меня и самого постепенно оставляли силы, к тому же приходилось помогать спутникам, я буквально тянул их за собой, а они просили делать привалы все чаще и чаще. Я понял, что с ними мне никогда не добраться до вершины, и я... – Проводник замолк, хотя рот его дергался, пытаюсь выпустить слова на волю, но по какой-то причине – стыда или страха – удерживал их внутри.

– Что? – Странник напрягся.

– Я обрезал их трос, – выдохнул Проводник. – Я не намеревался их убивать, я не хотел этого... Мне было тяжело с ними, я просто решил двигаться в одиночку... Они сорвались и пропали где-то в пурге, их крики унесло ветрами, а я остался один. Подниматься стало легче, припасов было достаточно, и скоро я оказался на самой вершине.

Проводник замолчал, взгляд его крепко вцепился в пламя костра. Ему невыносимо было чувствовать на себе осуждающие взгляды. Его слушатели пораженно молчали, не находя слов, и внимательно следили за рассказом, который с тяжестью покидал темницу старого сердца, оголяясь правдой для законного суда, но облегчающего внутреннюю ношу.

– Меня окружал туман, – продолжил Проводник. – Ветер грыз кожу лица и норовил скинуть меня вниз – такой он был силы. А под ногами, зарытые в снегу, хрустели черепа. Больше там не было ни-че-го. Все, что мне оставалось – остаться и умереть от голода или замерзнуть насмерть, либо рискнуть

и спуститься вниз...

На какое-то время воцарилась тишина. Путешественник и Спутник задумчиво глядели себе под ноги, отчего понять их реакцию было трудно. Странник был поглощен воспоминаниями о тех прошедших молодых годах и по взгляду, которым он награждал Проводника, было ясно, что память об этом человеке он бы с радостью стер. Скиталец напротив даже с интересом следил за Проводником и на лице его читался невысказанный вопрос.

– Ты побывал там не в то время, – нарушил молчание Скиталец. – Нужно было дождаться полнолуния и...

– Мне кажется, и в полнолуния картина бы не изменилась, – горько улыбнулся Проводник.

– А как же все те истории о Горе? – спросил Скиталец. – Кроме тебя там побывало еще кучу народу.

– Основная куча лежит теперь костями вокруг всей этой Горы, – усмехнулся Проводник. – Эти истории выдумывают люди, не сумевшие найти себе нишу в своих странствиях. Потому они и сочинили сказку о Горе, этаким собирательном месте всех человеческих благ, всеобщего счастья и радости, куда каждый должен стремиться. Это нелегкая задача, но тот, кто ее решит, возвысится над остальными и будет пользоваться привилегиями. Это обман... ведь у каждого свой путь. Но это еще полбеды: сама эта сказка заставляет человека усомниться в уже приобретенной нише, он оставляет ее и начинает двигаться в направлении Горы, где, как он

предполагает, и ждет его истинное счастье. В итоге человек теряет свое место, свою дорогу и остается ни с чем.

Путешественник поднял голову, в его взгляде читалось нечто новое, совсем незнакомое и, казалось, даже несвойственное этому человеку – как будто слетела умело выкроенная маска серьезности, лидерской силы, цепкого ума с толикой беззаботного мечтателя. Теперь его взгляд не пускал пронзительные стрелы – глаза Путешественника были глубоки, и в темной глубине этой сияла яркая звезда. Туристов поразила эта неожиданная перемена в своем лидере, он показал слабинку, оголил узкую щель в своей ментальной броне, за которой скрывалась беззащитная душа, и устремившиеся в эту щель внешние силы голодными волками впились в душевную субстанцию, заставив ее трепетать и гореть.

– Ты не понимаешь, Проводник, – тихо возразил Путешественник, но с каждым предложением его голос креп, набирая твердость и убедительность. – Ты шел за материальным благополучием и разочаровался, когда его там не оказалось. Ты не верил в то, зачем идешь – для этого нужна мечта. Единственное, чего я хочу – это коснуться звезд, солнца, облаков. Я хочу оказаться там, хочу вложить все свои силы, чтобы дотронуться до неизвестного. Пускай не будет на вершине ни золотых гор, ни божественного пира – я их и не жду. Но другого пути у меня просто нет. Тяжелая дорога, в конце которой только возможность дотронуться до звезды, сжать ее в кулаке и принести людям – вот моя мечта. Лишить меня

этой мечты – все равно что убить. Я больше не могу бродить по этой земле, мне здесь тесно...

Проводник грустно усмехнулся и оглядел команду Путешественника – Скиталец был задумчив, Спутник казался разочарованным.

– Ты идешь на смерть, – наконец сказал Проводник, – огради хоть своих товарищей от этого безумства.

– Они солидарны со мной, – Путешественник посмотрел на Спутника и Скитальца, но те опустили глаза. Взгляд Странника все это время был прикован к пляске костра. – Они обещали идти со мной до самого конца.

– Послушайте меня. Там сумрак, там холод, там кости целой армии побывавших до меня идиотов. Я долгое время живу здесь, Путешественник, и Гора с каждым годом становится все выше из-за человеческих костей... Ищите лучше в другом месте. Найдите свое место, а не мифические выдумки тщеславной стороны людей.

– В любом случае, – продолжал Проводник после паузы, – моя задача не в том, чтобы помешать вам или отговорить, а в том, чтобы раскрыть ваши глаза. Конечный выбор вы делаете, разумеется, сами.

– Тогда допиваем сэм, и по кроватям, – объявил Путешественник, разливая остатки самогона. – Вставать нам придется рано.

Настроение команды приобрело минорные тона, Путешественник был расстроен – не на такой исход он рассчитывал.

Глубокой ночью, за час до рассвета, когда Странник нес вахту, спальник Скитальца вдруг зашевелился, и его содержимое выглянуло наружу. Старик сделал вид, будто задремал на своем посту, а сам неподвижно следил из-под неплотно сомкнутых век. Скиталец замер на несколько секунд, пристально осмотрел Странника и, убедившись, что тот спит, тихо освободился от спальника. Затем обул ботинки, надел куртку и стал аккуратно упаковывать свои вещи в рюкзак.

Странник не сделал попытки остановить или просто окликнуть беглеца, узнать его мотивы или попробовать переубедить, даже когда рука Скитальца нырнула в рюкзак Путешественника и вынула небольшой прямоугольный предмет. В ночи угадать его было трудно, однако старик и так знал – это был бумажник Путешественника, где хранился общак команды. Тревожно оглядываясь, Скиталец скоро покинул освещенное костром пространство и пропал где-то во тьме.

Странник обвел взглядом стоянку – вся команда беспечно спала, только на лице Проводника, казалось, играла довольная улыбка.

Утро пришло довольно поздно. Если верить внутренним часам, вокруг уже давно должен цвести ясный солнечный день, но ущелье до сих пор заливал предрассветный сумрак. Путешественник не сразу заметил пропажу одного из членов команды, он ежился от утреннего холода и сонно цедил из кружки горячий чай. Затем вдруг подорвался с места так быстро, что содержимое его кружки подскочило вверх

и мокрыми парящими лужицами свалилось на землю. Удивленный Спутник молча следил за действиями своего товарища, Проводник и Странник остались невозмутимы. Путешественник метался из стороны в сторону, внимательно рассматривал место, где Скиталец устраивался на ночлег, убежал от стоянки и вглядывался куда-то вдаль. Через несколько минут, видимо, окончательно убедившись, что Скитальца нигде поблизости нет, Путешественник вернулся к костру, озлобленный и огорченный. Пустая кружка так и осталась мотыляться у него в руке.

– Так и знал, что этот говнюк нас кинет! – воскликнул Путешественник в сердцах.

– Зачем тогда тянул за собой? – поинтересовался Странник.

– Хотел дать парню шанс. Я видел, какой никчемной жизнью он бродил по миру. Я хотел дать ему путь, вечно голодному, избитому, без гроша в кармане... – при этих словах Путешественник запнулся и кинулся к своему рюкзаку. Пошарив там немного, он с озадаченным выражением вывалил все содержимое сумки и обреченно сел на камни: – Он деньги наши спер! И жрачка осталась у него в рюкзаке!

– Странник, – сказал Спутник, – ты стоял последний на вахте. Я был до тебя и точно помню, что Скиталец на перемене лежал на своем месте. Выходит, он при тебе сбежал.

– Да, – просто ответил Странник. – Я видел, как он собирает вещи и уходит.

– И ты не попробовал остановить его? – едко спросил Путешественник.

– Видимо, он передумал. Я не стал его переубеждать.

– А когда он деньги крал, ты тоже не хотел его переубеждать? – Путешественник начинал закипать.

– Я думаю, они вам больше ни к чему, – ответил Странник.

Путешественник плюнул и стал ходить взад-вперед. Через некоторое время его горячее сердце остыло, он покорно вздохнул и принялся собирать свои вещи обратно в рюкзак.

– Ладно, – сказал Путешественник, – допивайте свой чай, доедайте... завтрак и давайте уже... пора идти.

Спутник стал помогать товарищу со сборами, однако на лице его уже не читалось былой решимости, его заполнили сомнения, рука потеряла твердость. Спутник был не уверен в том, что делает, но продолжал идти за Путешественником, повинаясь какой-то притягательной силе то ли его характера, то ли его идеи.

Странник несколькими движениями собрал свою простую торбу и теперь молча сидел, наблюдая за действиями туристов.

– Пойдем, Странник, – махнул рукой Путешественник, когда они вместе со Спутником надели всю амуницию и были готовы штурмовать скальные стены.

– Я остаюсь, ребята, – виновато произнес старик. – Видимо, это дорога не для меня. Я хочу чего-то другого, но по-

ка не нашел этого. У меня свой путь, не похожий на другие. Вероятно, потому меня и называют Странником. – С этими словами Странник подошел к туристам и протянул им сверток из газеты. – Здесь оставшийся заяц, возьмите. Вам он нужнее.

– Да вы с ума все посходили! – воскликнул Путешественник. Несколько секунд он смотрел в глаза Страннику, затем отвернулся и, ничего не говоря, направился к скале.

– Будь осторожен, – напутствовал старик Спутника, когда тот принял у него сверток. Спутник непонимающе посмотрел на Странника, затем на Путешественника, положил зайца в рюкзак и, сказав только «Спасибо», ушел к своему другу.

Странник стоял, наблюдая за туристами – как они разматывают веревки, привязывают их к поясам, лезут по скале, вбивая клинья в неподатливую породу. Старик хоть и не разделял теперь взглядов своих бывших сотоварищей, но всем своим бывалым сердцем желал туристам удачного подъема и глубоко переживал, когда уставшая или неверная рука соскальзывала с выступа в скале и ребята опасно повисали на страховочном ремне. Подъем давался им тяжело – Странник это понимал, скала была такой высокой, что Спутник с Путешественником превратились в едва различимые точки, добравшись до ее середины. Вскоре они пропали из виду, старик некоторое время шарил взглядом по опустевшему склону, вздохнул и вернулся к дымящим остаткам костра.

Проводника нигде не было видно. Странник сделал вывод, что его давнему знакомому стала неинтересна очередная группа самоубийц, и он вернулся в свое убежище коротать остатки выделенного ему творцом времени. Странник повесил за плечо торбу, взял в руку свой верный посох и направился к веревочному мосту, желая поскорей покинуть это древнее, страшное и загадочное место. Пустые глазницы черепов, казалось, глядели ему в спину с презрением, сожалением, даже со злобой. И мольбой о помощи. Какое-то послание из прошлого читалось в этих мертвых глазницах, забытые судьбы, поиски потерянных душ, угасшие мечты. Они все шли сюда с надеждой: с надеждой на счастливую безбедную жизнь, с надеждой получить уважение в глазах окружающих, с надеждой доказать свою исключительность. С надеждой возвыситься или прикоснуться к мечте. С надеждой получить богатство, власть, желая накормить свое ненасытное самолюбие. Желая разбавить почтением к своей драгоценной персоне зловонную чашу комплексов, страхов, недоверия, презрения к самому себе за слабость и трусость – делать то, чего от тебя ждут, что тебе регламентировано делать в той или иной ситуации, а не то, чего бы тебе действительно хотелось. Хотелось *бы* – если бы не заглушали природный зов чистой души в искреннем сердце помехи, пускаемые в эфир любителями денег, регламентов, социопатами и прочими больными паразитизмом. Это замкнутый круг. Уророс, в котором выкипают цивилизации.

Нашу жизнь стараются оптимизировать. Каким шуткам необходимо смеяться, какому мнению следовать, к каким вершинам необходимо стремиться, какой стандартный телефон купить, чтобы не казаться человеком далеким от моды современной технологии. Что популярно, а что недостойно внимания. Нам заботливо подсказывают, какая одежда сейчас в моде, какую музыку следует называть хитом, какие книги бестселлеры и какие фильмы нужно смотреть в кино-театрах. Стандартный набор настроек для каждого вида искусства довольно-таки скушен. Одинаковые сюжеты и избитые вдоль и поперек идеи. Простота в восприятии и узнаваемость.

Любители порассуждать часто задаются вопросом о назначении искусства. Одни видят в этом источник развлечения, другие – источник мудрости, третьи полагают, будто искусство должно пробуждать в человеке высокие качества: совесть, доброту, честность, любовь... Однако это крайности. Это самообман, в который вовлечены и сами деятели культуры. Искусство должно украшать. Ювелир мастерит кольцо не для того, чтобы чему-то научить его будущего владельца или как-то развлечь в унылые будни. Кольцо украшает, и с этим трудно поспорить. Художник пишет на холсте для того, чтобы продать свое творение и украсить чье-нибудь жилище. Автор наполняет свои творения сочными цветами или красивыми звуками только для того, чтобы украсить остан-

дарченную жизнь бедных людей. Он делится доступной его взору красотой. Он – собака-поводырь, ведущий свою слепую публику по тропам жизни, рассказывая о том, что видит вокруг. Искусство не должно развлекать, так как в этом случае единственное, что делает творец – потакает слезным капризам публики, показывая то, чего от него ожидают слепые, и, жажда обратит на себя внимание, сделаться всеобщим любимцем, превращается в художественную путану. Публика не только внимает путеводным словам автора, но и сама является частью представления, ибо спектакль создается лишь в сознании творца и зрителя. Не всем по нраву будет пробужденная творением картина, но угодить каждому – невыполнимый труд. То, что заинтересует человека в произведении, уже есть в нем самом, однако лишь с помощью проводника-художника у него есть шанс отыскать это.

Есть вещи незыблемые и независимые от сиюсекундной прихоти экономических рабовладельцев и властителей гламура. Настоящие мечтатели, искатели счастья – те, кто первыми пришли сюда когда-то в древности, – они сейчас здесь. Их кости – не те, что лежат вдоль подножия Горы или покоятся на самом ее пике, все эти останки – они давно вторичны. Кости первооткрывателей Горы находятся под самой Горой, придавленные тяжестью глупости и подражания своих последователей. Заваленные тысячами тонн загубленных судеб, которые будучи слепыми, рвались увидеть открывшуюся мечтателям красоту. Величественная гробница. Те,

кто открыл Гору, никогда не видели всего ее великолепия и смертоносности.

Может быть, деньги и правят этим миром, только деньгами управляют лень и жадность. Лень заключается в том, чтобы сесть на шею наивному народу, впрячь людей в орало и весело махать кнутом. А жадность – в нежелании делить с ними возвращенный общим усилием хлеб, выманивать их долю под любым предлогом, и культивировать распри и паразитизм в нормальной человеческой среде. Ибо измученные, голодные грузовые волы в конце концов заткнут уши и сбросят надоевших седоков, отдав свои жизни во власть личного ума и возможностей.

У символа бесконечности есть только одна точка соприкосновения, истины, к которой рано или поздно приходит история, и есть два долгих витка заблуждений и обмана, которые раз за разом повторяют свой путь. Никто не в силах этого изменить.

Возле моста Странник увидел Проводника – в руках у него был старый, заржавевший, выщербленный топор. Проводник держал топор над головой, целясь по тугим канатам, связывающим мост и скальную породу. Одна сторона переправы уже безвольно накренилась, лишившись крепящих ее с берегом веревок.

– Стой! – крикнул Странник и рванул вперед, едва успев перехватить древко топора, воспользовавшись секундным

замешательством Проводника.

– Отойди, – совсем по-звериному зарычал тот и повернулся к Страннику. Даже вид его теперь снова имел животные, необузданные черты хищника: дикие, целеустремленные глаза, взъерошенная грива на голове. Проводник был напряжен, готов атаковать в любую секунду. – Ты сам видел, к чему приводит эта дорога. Я больше не могу смотреть, как гибнут люди. Давно уже пора было остановить все это.

– Не тебе решать, кому какому пути следовать. Мир богат своими развилками и перекрестками. Дай им возможность самим во всем разобраться.

– Разобраться! – Проводник засмеялся. – Когда эти дураки понимают, что обманулись, становится слишком поздно.

– Каждый должен иметь свое мнение, а до истины еще никто не дорос. Да и не дорастет никогда – у нее слишком огромный масштаб.

– Ты стал еще страннее, чем в молодости, – Проводник разозлился не на шутку, лицо его побагровело. – Ты понимаешь, что эти идеи несут в себе смерть, обман – и ничего больше?! Развилки, перекрестки!.. Пускай уж в мире будет одна тропа, но по ней будут шагать здоровые, адекватные, *живые* люди!

С последними словами Проводник резко развернулся (руки Странника и дикаря все еще держались за поднятый топор), заставив Странника встать на свое место – спиной к обрыву.

– Ты ведь и сам окажешься в плену безжизненных скал! Ты умрешь здесь от голода! – кричал Странник. – Этот мост уже довольно стар. Придет время – он прогниет и рухнет сам. Не торопи события.

Лицо Проводника на несколько мгновений изменилось. Искривленная гримасой обреченности и ярости кожа вдруг разгладилась, в глазах мелькнуло понимание. Страннику показалось, что он сумел все-таки переубедить дикаря, он расслабился и ожидал, что Проводник вот-вот опустит топор.

– Твоя беда в том, – вновь заговорил Странник, – что ты никуда не идешь. Ты зарылся в пещере, и единственное, что тебе осталось совершить – это замуровать вход и сгнить в ней заживо, как Аскет.

– Уйди с дороги! – заорал вдруг Проводник и, что было сил, ударил Странника ногой. От удара старика потянуло назад, однако топор он не выпустил из рук, и Проводник был вынужден разжать свои пальцы. Странник лишился последней опоры, сделал несколько шагов назад, пытаясь найти равновесие, – и рухнул с обрыва.

Казалось, Странник падает целую жизнь. Он не видел, что творилось под ним, внизу, и может быть, поэтому тревожный крик в его сознании о надвигающейся беде не был таким громким, чтобы полностью заполнить мысли и распространить по всему телу парализующий страх. Топор выскользнул и улетел куда-то назад. Странник смотрел, как фигура Проводника на вершине обрыва становится все меньше, как буд-

то берег непонятно от чего вдруг стал расти, будто лифт до самого неба. А затем весь мир превратился в мешанину сил, крутящих Странника в холодной воде, то потопляя, то выбрасывая на поверхность бурной реки. Ему несказанно повезло, что узкая горная речка была отнюдь не мелководной и тем самым уберегла старика от смертельного исхода его падения. Странник лихорадочно заработал руками и ногами, стремясь остаться на плаву. Противостоять стихии было очень трудно: перед Странником то и дело вырастали каменные стены и валуны, и то, что ни один из них не причинил старику значительного ущерба, было настоящим чудом.

Странник был почти в беспомощности, дезориентирован, ослепший и оглохший от накрывавших его с головой волн, когда третья сила вступила в эту неравную схватку. Что это было – Странник понял далеко не сразу, лишь спустя некоторое время сквозь водную пелену, заставшую глаза, он отгадал размытые лица. Странник почувствовал под собой твердую поверхность и вцепился в нее мертвой хваткой. Когда же ясность ума и восприятия мира вернулись к Страннику, он обнаружил, что лежит внутри какой-то узкой лодки, свесив ноги за борт. Помимо него в лодке находились еще двое мужчин, сосредоточенно орудующих веслами. Странник кое-как втянул ноги и постарался удобно расположиться, насколько это было возможно – на дне лодки лежали рюкзаки.

– Ну ты даешь, мужик, – крикнул ему тот, что сидел сзади.
– Как тебя угораздило?

Странник собрался было что-то ответить, но байдарку закачало на бурунах, и река угостила гребцов порцией ледяной воды. Странник лишь покрепче ухватился за борта лодки окоченевшими пальцами.

Стены берегов становились все ниже. Гребцы решили воспользоваться этим, чтобы сделать остановку, и высадились при первом удобном случае. Пока одежда Странника сушилась у костра, его самого укутали одеялом и всунули в руки чашку горячего чая. С расспросами никто не приставал, да и разговаривать с кем-то Странник был не очень настроен. Мужчины разглядывали карту, обсуждали что-то, оставив старика наедине со своими мыслями. Такие случайные встречи – не редкость в этом мире. Люди могут протянуть руку помощи, могут ограбить или даже убить, но в любом случае захотят узнать твое имя только при условии дальнейшего спутничества.

– Чуть дальше начнутся пороги, – сказал один, обращаясь к Страннику. – На байдарке нам их не преодолеть, так что придется какое-то время двигаться пешком.

– Спасибо за помощь, – прохрипел Странник. – Но дальше я пойду один.

– Мы с другом хотим подняться на вон ту Гору, пойдешь с нами?

Странник отрицательно покачал головой.

– Ну, как знаешь. Помнится, раньше вокруг Горы был целый ажиотаж: куча слухов, историй, люди валили туда тол-

пами. Теперь как-то все улеглось, позабылось.

– Может быть, люди ждут чего-то нового? – предположил Странник.

– Не знаю. Гора уникальна. Другого такого места не существует.

Странник улыбнулся, поднялся на ноги, вернул хозяевам одеяло и принялся натягивать на себя еще сыроватую одежду.

– Спасибо еще раз, – сказал он. – Удачи вам в вашем предприятии.

– Может, подождешь еще немного? Обсохнешь как следует.

– Нет, пора, – с этими словами Странник покинул стоянку гребцов и отдался на волю своих ног.

Он никогда не спрашивал дороги у встречных. Ему неинтересны были шумные караваны и предложения навязчивых гидов. Он сторонился проторенных троп, и не только потому, что именно на них зачастую поджидает путника опасность в виде разбойников. Странник выбирал дикую местность, и мысль о том, что на пути его могут встать опасные животные, обходящие стороной скопления людей, не вселяла того страха, который обычно посещает человека, оказавшегося вдалеке от сородичей. Он не улыбался встречным и не хотел показаться добрым, лишенным агрессивных намерений, потому что в действительности не был обделен добротой. Странник – это имя действительно вело его не туда, куда

следует идти нормальному человеку, жаждущего комфорта и безопасности, что зачастую путают со счастьем. Временами случалось, что он доверял свою дорогу неожиданным попутчикам, но она неизменно заканчивалась разочарованием.

Странник не спеша брел по лесной местности. Деревья постепенно раздевались, покрывая золотом землю, воздух пах осенней сыростью и надвигающейся зимой. Над головой галдели стаи перелетных птиц, небо потускнело, наливалось свинцом. Жизнь вокруг начинала засыпать.

Впереди послышался шум воды. Через несколько минут деревья расступились, будто занавес, открыв своему единственному зрителю завораживающую сцену. Странник стоял на берегу широкой, неторопливой Реки. Ее гладь была спокойной, покрытой мелкой рябью. Величественная и массивная королевская статья ее внушала доверие, располагала к себе. Заботливой хозяйкой Река приглашала забыть все тревоги и присесть на скамьях своего пустующего берегового амфитеатра, чтобы любоваться красотой пейзажа или погрузиться в неспешные думы.

На противоположном берегу виднелись усеянные желто-зелеными деревьями горы – холмики по сравнению со своими старшими братьями, стоящими чуть позади, – серыми великанами с белыми снежными прожилками, укрытые тяжелой дымкой. Эти горы напоминали лестницу, ведущую к небесам.

Река растянулась от горизонта до горизонта кокетливыми

изгибами, лучезарно улыбалась миру солнечным отражением в своих чистейших, проглядываемых до самого дна, водах, одевалась в прекрасное платье, копирующее краски высокого неба, обрамленное каймой рыжего леса возле берегов, но так и не сумела привлечь к себе внимания озабоченных горами зрителей.

Странник поудобней устроился на каменистом берегу, застланном ковром из золотого шума созревшей листвы, приrozenный видом величавого бега Реки, и, не сумев сдержать в себе порыв радости, благодарности, ликования, распирающего грудь, зажигающего глаза и сердце, он осторожно прошептал, боясь спугнуть прекрасное видение:

– Здесь.

2014 г.